

АЛЕКСАНДР БЕЛОНЕНКО

директор Свиридовского института

ШОСТАКОВИЧ И СВИРИДОВ: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Для Свиридова 1958 год прошёл под знаком работы над Патетической ораторией. Тем не менее, в том же году он сумел завершить своё первое сочинение для хора без сопровождения “Пять хоров на слова советских поэтов”. Стимулом для создания этого цикла стало рождение Всероссийского хорового общества, которое состоялось в 1958 году. В конце года один из Пяти хоров – “Повстречался сын с отцом” на слова А. Прокофьева – был впервые исполнен Госхором под управлением А. В. Свешникова в Колонном зале Дома Союзов в рамках отчётного хорового концерта¹.

Кроме того, Свиридов вернулся к ряду своих старых сочинений, в частности, к довоенному циклу песен на слова А. Прокофьева и создал вторую редакцию под названием “Слободская лирика”, добавив ещё одну песню на слова М. Исаковского. Наряду с этим циклом и не без влияния работы над ним, из-под пера Свиридова в том же году вышло несколько вокальных миниатюр. Все они были созданы в новом свиридовском “русском стиле”, провозвестником которого были довоенные песни на слова Прокофьева или родившиеся в конце 1940-х годов песни на слова советских поэтов. Сыграло свою роль обращение к русской поэзии XX века, к стихотворениям Б. Корнилова (“Лесная сторона”), М. Исаковского (“Осенью: Пели две подруги...”), А. Твардовского (“Смоленский рожок” – “Мы в землячество не лезем...” из Василия Теркина), а также к Пушкину (“Ворон к ворону летит...”) и к С. Есенину (“На земле живут лишь раз...”). В том же году вышли в свет партитура и клави́р Поэмы памяти Сергея Есенина.

Выступил в 1958 году Свиридов и в печати. В девятом номере журнала “Советская музыка” за 1958 год была помещена его статья о молодых композиторах, выпускниках Московской консерватории, у которых он принимал экзамен по специальности в качестве председателя экзаменационной комиссии². Отметил двух наиболее талантливых и творчески многообещающих – А. Караманова и А. Шнитке.

Однако наибольший резонанс получила статья Свиридова “Искоренять пошлость в музыке”, опубликованная в газете “Правда”³. Она не осталась незамеченной, вокруг этой статьи разразилась полемика, она обсуждалась как в композиторской среде, так и широкой общественностью, в газету посылались письма; у статьи были как почитатели, так и противники. До сих пор она служит предметом для упреков Свиридову, для обвинения его в намерении испортить актёрскую карьеру Марка Бернеса и чуть ли не в проявлении антисемитизма. Поэтому считаем необходимым более подробно остановиться на истории с этой статьёй. Тем более, что поднятые в ней проблемы не потеряли своей актуальности и в наши дни.

Продолжение. Начало в №1, 5, 6 за 2016 год, № 6, 8 за 2017 год, № 2 за 2018 год и №1, 5, 6, 7, 8, 10, 11 за 2019 год.

Ни для кого не секрет, что массовая музыкальная культура была постоянно предметом пристального внимания в СССР со стороны правящей партии и государства. Тут нет ничего удивительного: музыка не только в Советском Союзе и не только в тоталитарных государствах XX века, но и во всём цивилизованном мире испокон веков была предметом государственного внимания и опеки в Европе. А в Средние века, да и позднее – предметом тщательного надзора и цензуры со стороны Церкви.

Впрочем, к какой глубокой древности уходит проблема регулирования музыки, можно судить по диалогу “Государство” Платона, созданному в 360 году до н. э. По Платону, музыка должна воспитывать “стражей государства” при помощи таких ладов, которые не расслабляли бы будущих воинов, подобно лидийским, со свойственными им причитаниям и жалобам, а также ионийским, которые разнеживают и свойственны застольным песням. Люди воинственные, по Платону, никоим образом не должны пользоваться этими ладами.

Между учением об этосе ладов у Платона с точки зрения их полезности для воспитания граждан и представлениями о формалистической и реалистической музыке в Постановлении ЦК ВКП(б) от 14 февраля 1948 года не такая уж большая разница.

Статья Свиридова в газете “Правда” появилась благодаря стечению нескольких обстоятельств. С одной стороны, явно был “социальный” заказ государства. В чём он заключался, могу судить только по косвенным признакам, так как документального свидетельства конкретного повода пока не нашёл. Вероятно, тут было сразу несколько разных поводов, но все они имели отношение к государственной политике в области музыкальной культуры.

Статья вобрала в себя практически все обсуждаемые как в предыдущие годы, так и в 1958 году злободневные темы. Тема “курортной” музыки, концертных программ заезжих исполнителей и оркестров сомнительной репутации и низкого профессионального уровня в провинции, в домах культуры малых городов или в домах отдыха была излюбленной темой фельетонов в газетах и в журнале “Крокодил”.

Свиридов назвал в своей статье кинофильмы с плохой музыкой, а до него эти фильмы были раскритикованы на Всесоюзной творческой конференции работников кино. Е. Долматовский в преддверии этой конференции писал: “С грустью мы признаём, что искусство песни в картине, искусство, которым славилось наше кино в прошлые годы, за последнее время увяло”⁴, Л. Ошанин в своей статье открыто высказался: “Дурным вкусом отличаются песни в новой комедии “К Чёрному морю”⁵. Этот фильм, как и “Девушка с маяка”, и ряд других подобных, отнесён к числу плохих в Резолюции, принятой на последнем собрании работников кино”⁶.

Читаем у Свиридова: “Не радуется в последнее время популярная музыка в наших кинофильмах. В своё время массовая аудитория с любовью и благодарностью приняла ряд известных кинокомедий с музыкой И. Дунаевского и других композиторов. Лучшие образцы музыки Дунаевского – жизнерадостные, изящные, мелодичные – продолжают и сейчас украшать наш быт, радуя слушателей блеском, остроумием, хорошим вкусом. Но, к сожалению, эти прекрасные традиции, за редким исключением, не находят достойного продолжения в новых музыкальных кинокомедиях. Наши кинорежиссёры стали увлекаться дешёвыми приёмами западного реву с его внешней красотостью, помпезной роскошью и внутренней бессодержательностью. Вместо полных жизни и энергии молодёжных песен, воспевающих чистые и искренние чувства, в такого рода фильмах господствуют сомнительные музыкальные изделия, проникнутые слезливой надрывностью или развязностью. Достаточно назвать хотя бы фильмы “Девушка без адреса”, “К Чёрному морю”, “Девушка с гитарой”. Постановщики этих фильмов, как и сотрудничающие с ними композиторы, явно стремились угодить остальным вкусам”.

А ещё раньше по отечественному кино прошёл Д. Шостакович в своей статье в январском номере газеты “Известия”. Как писал автор “Песни о встречном”, “у нас выпускается около сотни художественных фильмов в год, а в скором времени их будет значительно больше! Но как мало среди них хороших фильмов, как мало хороших песен слышится с экранов!”⁷.

Надо сказать, что позиции Шостаковича и Свиридова в отношении массовых жанров были близки. Для примера, ещё одна цитата из статьи Шостаковича: “Музыка и песня сопровождают человека со дня его рождения и до

самой смерти. И правда, без музыки нет жизни. Так давайте будем стремиться к тому, чтобы музыка украшала прекрасную советскую жизнь, делала её ещё красивее, чтобы она, песня, действительно нам “строить и жить помогала”. Меня очень огорчает увлечение некоторой части нашей молодёжи посредственными песенками и пошлыми сердцещипательными романсами, которые мутными волнами распространяются с эстрадных площадок, иногда по радио, а порой и с экранов кинотеатров. <...>

Хорошие песни всех жанров – героические, лирические, шуточные и сатирические, частушки и другие – должны быть взяты на идеологическое “вооружение” советского народа в борьбе с тем плохим и пошлым, что уродует вкус людей и прививает им дурные навыки”.

Читаем у Свиридова: “Произведения таких жанров звучат повседневно. И особенно важно, чтобы в эту наиболее массовую область музыкального быта не проникли тлетворные влияния мещанства, пошлости, дурного вкуса. Однако приходится с тревогой отмечать, что в наш быт просочилось много музыкальной дряни – песен и танцев, которые развращают вкус, пробуждают у человека развязность или унылую меланхоличность. Как много низкопробной макулатуры слышали мы за последнее время, например, в выпущенных грампластинках, с эстрады, с экранов кинотеатров, по нашему радио! В этих массовых уступках дурному вкусу сказывается деляческий коммерческий дух, которым, к сожалению, заражены и некоторые творческие работники – композиторы, работники кино, авторы текстов. Пришла пора, как говорил Маяковский, взять швабру и вымести из нашего искусства гнилые изделия “всесоюзного мага – халтурщика!”

Шостакович предлагал: “Следует улучшить практику работы концертных и эстрадных организаций в столицах и в особенности на местах. Ведь нередко при попустительстве и нетребовательности руководителей клубов и парков на эстраде исполняются пошлые, халтурные произведения, вызывающие возмущение слушателей. <...>

Лучшие певцы и музыканты, чтецы, артисты драматических театров, мастера танца и эстрады – все должны принять самое активное участие в наступлении на то пошлое и плохое, что ещё подчас звучит с эстрады”.

Подобный призыв есть и у Свиридова: “Пора навести порядок в многочисленных местных радиоузлах, повседневно передающих музыку, в поездах и на пароходах, в парках и санаториях, в школах и пионерских лагерях. Здесь сплошь и рядом музыкальная пропаганда даётся на откуп невежественным людям, старательно распространяющим всё, что им заблагорассудится”.

Весьма остро стоял в тот момент вопрос и о грампластинках. До появления магнитофона грампластинка был самым массовым инструментом распространения музыки в домашнем быту, в местах народных гуляний, на вечерах в домах отдыха. На проблему выпуска грампластинок обратил внимание министр культуры СССР Н. А. Михайлов. Вот фрагмент его выступления на Втором съезде работников культуры: “Весьма большое значение имеет выпуск грамофонных пластинок. Сейчас очень резко и справедливо критикуют недостатки в этом деле. На местах появилось много различных артелей, которые кустарным способом организуют выпуск пластинок с записью низкопробной музыки. Эти пластинки мешают эстетическому воспитанию масс. Что касается планов на ближайшее время, то министерство предполагает в ближайшее время закончить разработку плана выпуска грампластинок на будущий год. Создаётся возможность на существующей базе, прежде всего, на Апрелевском, Ташкентском и других заводах вдвое увеличить выпуск грамофонных пластинок. В нынешнем году предполагается создать студии грамзаписи в союзных республиках и в Сибири”⁸.

Читаем у Свиридова: “В настоящее время намечено упорядочение всего дела записи и пропаганды грамофонных пластинок. Приняты меры к улучшению записи и обогащению репертуара, к массовому изданию образцов классической и современной музыки в исполнении лучших отечественных и зарубежных артистов. И нужно надеяться, что в ближайшее время организации, ведающие распространением грампластинок, ответят делом на растущие эстетические запросы народа”.

В двух номерах подряд газеты “Советская культура”, буквально через несколько дней после публикации статьи Свиридова в “Правде”, появляется материал, посвящённый вопросу дефицита грампластинок с классической музыкой⁹.

Наконец, по поводу Марка Бернеса. Был ли заказ “сверху” относительно критики Бернеса – пока не могу документально подтвердить. Ходячая легенда о затаившем обиду на артиста главным редакторе “Комсомольской правды” А. Аджубее и недовольство певцом Н. Хрущёва – всего лишь догадка. Но независимо от того, действительно ли ревность главного редактора “Комсомольской правды” к популярному артисту из-за Изольды Извицкой послужила поводом для появления фельетона “Звезда на Волге”¹⁰ или этот бытовой анекдот не имел никакого отношения к его публикации – сегодня уже доказать или опровергнуть сложно. А главное, Бернес в статье Свиридова не является предметом персональной критики, как в фельетоне “Комсомолки”.

Если читать статью Свиридова не поверхностно, то можно понять, что композитор критикует не самого артиста, а некоторую весьма специфическую часть его песенного репертуара. Справедливости ради могу констатировать, что слова Свиридова были действительно резкими. “Этому артисту мы во многом обязаны воскрешением отвратительных традиций “воровской романтики” – от куплетов “Шаланды полные кефали” до слезливой песенки рецидивиста Огонька из фильма “Ночной патруль”. Бернес был очень популярен, и у него было много поклонников. Так что вполне закономерно, что Свиридов за эти строки не снискал одобрения со стороны “болельщиков” популярного артиста.

Вообще-то критики не мог избежать никто из “звёзд” в то время. Прославленный Л. Утёсов, конкурент М. Бернеса, также получил нелицеприятную оценку за одну из своих новых программ в 1958 году. И абсолютно по той же причине и по тому же поводу. Как писали рецензенты о концерте его эстрадного оркестра в саду “Эрмитаж”: “не оправдал Л. Утёсов ожиданий. Не оправдал, прежде всего, потому, что шуточное музыкальное обозрение “Музей и поэзия” целиком состоит из старых песен, ради которых, по существу, и была “придумана” эта композиция, не смог артист даже отказать себе в удовольствии пропеть начальную фразу такого “шедевра” своей молодости, как “С одесского кичмана”... К сожалению, не в первый раз прибегает Л. Утёсов к таким сомнительным средствам вызвать аплодисменты некоторой части зрительного зала, что бывало и раньше, на предыдущих концертах: пропоёт он одну фразу “Гоп со смыком” или “Лимончики вы, мои лимончики...”, а потом словно спохватится и замолчит с лукаво испуганным выражением лица, дескать, “сладок плод, но запрещен...”. Полно, Леонид Осипович, неужели вы всерьёз полагаете, что так уж “сладки” ваши “Лимончики”? Неужто невдомёк вам, что пошлость и безвкусица пропагандируются тогда, когда с концертной эстрады звучит всего-навсего одна интонация “блатной” песни!...”¹¹

При всей резкости высказывания Свиридова об исполнении М. Бернесом песенных шлягеров, нельзя рассматривать эту оценку вне контекста времени, вне тех процессов, что происходили в массовой музыке того времени.

Обычно хрущёвская эпоха ассоциируется с ослаблением режима “железного занавеса”, с участвовавшими культурными контактами, с приездом в СССР иностранных эстрадных певцов и джазовых коллективов, с фестивалем молодежи и студентов в Москве, с демонстрацией зарубежных музыкальных кинофильмов.

Действительно, в середине 1950-х годов продукция западной музыкальной индустрии – джаз, модные американские танцы (буги-вуги, рок-н-ролл), латиноамериканские популярные песни и танцы, французский шансон – буквально обрушилась на широкую публику, распространялись через граммпластинки, а иной раз и через исполнение, иногда в форме пародий, своими эстрадными коллективами, усиленно осваивающими зарубежный репертуар.

Свиридов в молодости прошёл школу тапёра в доме культуры “Красный путиловец”, в ресторане Чванова, будучи студентом Ленинградской консерватории, он сотрудничал с джаз-оркестром Н. Минха, позднее писал массовые песни, “молодёжные танцы” для танцевального ансамбля А. Обранта, оперетты. Он прекрасно знал бытовую музыку 1920–1940-х годов, между прочим, считал Б. Фомина талантливым композитором, ценил советскую массовую песню 1930–1950-х годов, особенно военных лет. Как он писал, “прекрасны <...> многие песни войны (их десятки), которые можно слушать и теперь. И я уверен, их можно будет слушать и в будущем”¹².

Свиридов любил духовные песни американских негров (спиричуэлс), знал классиков джаза Эллу Фицджеральд, Луи Армстронга, с симпатией

относился к Элвису Пресли, я слышал его собственные великолепные джазовые импровизации. Так что Свиридов отнюдь не был пуристом и вовсе не презирал лёгкий жанр. А уж что касается песни, то нельзя забывать, что именно песенное начало во многом определяет его стиль, композиторскую индивидуальность. Именно это обстоятельство и побудило его встать на защиту своего любимого жанра.

И главный пафос статьи вовсе не в критике массовой культуры, а в призыве к общественности серьёзно относиться к музыке, напомнить ей об её истинных ценностях. Вот ключевая фраза в статье: “Не все, однако, осознают в полной мере высокую общественную роль музыки в нашей современной жизни. Некоторые товарищи убеждены в том, что восприятие высших образцов музыки – симфонической, оперной, камерной – есть лишь удел особо избранных и что простому человеку, мол, можно прожить и “без симфоний”. Даже из уст высоко образованных специалистов иной раз можно услышать откровенное признание: “В музыке я профан”. Было бы, вероятно, стыдно сказать, что не читал “Евгения Онегина” Пушкина или “Войну и мир” Толстого, но можно, не краснея, сознаться в том, что не знаешь Шестой симфонии Чайковского или “Руслана и Людмилы” Глинки”.

При этом Свиридов отнюдь не отказывает в праве на существование массовым жанрам. И осознаёт, что всё зависит от художественной полноценности того или иного произведения, будь то симфония или эстрадная песня. Как он пишет, “и в серьёзной, и в лёгкой музыке бывают произведения яркие и безликие, талантливые и бесталанные. И, конечно, наряду с оперой, симфонией, романсом должны жить и развиваться и музыка эстрады, и лёгкая песенка, и жизнерадостный ритмический танец, и бравурный марш”.

В своей критике массовых жанров композитор проявляет некоторую избирательность. Он не говорит о любимой музыке “стиляг”, о тлетворном влиянии Запада. Он критикует не джаз как таковой, а нетребовательность в выборе джазового репертуара со стороны советских исполнителей. Однако эта тема – периферийная в статье Свиридова. Главное в ней совсем другое. Свиридов заостряет внимание читателя на ином жанре лёгкой музыки. Его опасение вызывают самый низкий, можно сказать, “грунтовый слой” городской песенности.

Собственно, этот слой никуда не исчезал после революции, хотя те же ретивые идейные борцы из РАПМа решительно боролись с так называемой “нэпманской музыкой”, эстрадным русским романсом (наряду с “фокстротчиной”) в 1920-е годы. В 1930-е годы, но без усилий со стороны государства, удалось всё же создать новую советскую массовую песню, которая, как называется, пошла в массы. Сыграли свою роль кино, особенно музыкальные комедии, радио, самодеятельность. Тем не менее, низкая интонационная лексика оставалась в массовом музыкальном сознании, в памяти народного слуха.

Она вновь всплыла ещё во время войны¹³, но особенно после войны, после смерти Сталина, в годы хрущёвской оттепели. Появилась буквально из подполья, из недр быта, из трофейных пластинок, вывезенных солдатами из Румынии, где обитал во время войны, Пётр Лещенко. Помимо того, у населения оставались старые патефонные пластинки с записями эстрадного русского романса в исполнении Юрия Морфесси, Изабеллы Юрьевой, нотные издания С. Я. Ямбора и частных нотопечатен 1920-х годов. Но это ещё был излюбленный репертуар широкой демократической публики. А из открытых окон городских предместий шипящие патефоны воспроизводили по воскресным и праздничным дням массовую продукцию совсем уже низкого пошиба, вроде песенок “Всё что было”, “У самовара я и моя Маша”, “Марусечка”, “Стаканчики гранёные”. Там же надолго обосновалась и знаменитая когда-то песня В. Липатова “Письмо матери” на слова С. Есенина.

Во второй половине 1950-х годов к этому прибавился и ещё один, совсем уже низменный жанр с обценной музыкальной лексикой. Он пришёл в большие города с многочисленными массами людей, освобождённых из лагерей ГУЛага, из тюрем. В музыкальный быт советского человека потоком хлынул тюремный фольклор, блатная песня, во многом обязанная своим происхождением Одессе. Позднее эту “лирику с матерным уклоном” (Наталья Резник) освоил и осовременил Владимир Высоцкий и его подражатели. Забегая вперёд, скажу, что сегодня в интернете совершенно свободно можно найти целые программы вроде размещённых на Youtube подборок “Классический

блат. Одесские песни”, “Владимирский централ. Сборник блатных песен”, “Беломорканал”, “Меломан” и т. д. Весьма популярны певцы вроде погибшего Михаила Круга с его опытами в этом жанре, типа песен “Владимирский централ”, “Еврейский арестант”, “Урка Мишка”, “Чифирок в карманчике” и т. д. “Распивочно и на вынос” – эту музыкальную сивуху предлагают в широком ассортименте коммерческие радиоканалы. Привожу для примера случайно подобранные песни с характерными названиями и их творцов: Михаил Блат – “Уголовник я и вор”, группа “Бутырка” – “По этапу”, “За ростовскую братву”, Воровайки – “Мурки-воровайки”, “Жиган Лимон” и т. д., и т. п.

А в интернете открыто можно посмотреть видеоклипы со “шпанскими” песенками С. Шнурова и его ансамбля “Ленинград”. Острые тексты на злобу дня, в своём роде музыкальная сатира нравов, в них подаются с изрядным количеством уже чисто словесной матерщины¹⁴. Блатная песня стала во многом определять современный бытовой музыкальный язык России. И существует она, так сказать, вполне легально.

Свиридов, конечно, не мог предвидеть в 1958 году, куда пойдёт массовая песня, но он констатировал начало набравшего скорость процесса люмпенизации массового музыкального вкуса. Его статья направлена не против конкретно каких-либо исполнителей, того же Марка Бернеса или творцов незатейливых шлягеров типа “Мишка”, как и появившегося позднее “Чёрного кота”. Она направлена против распространения массовой музыкальной продукции очень низкого сорта, которое явно дало о себе знать в наступившей эпохе “хрущёвской оттепели”. Как писал композитор, “особенно важно, чтобы в эту наиболее массовую область музыкального быта не проникали тлетворные влияния мещанства, пошлости, дурного вкуса. Однако приходится с тревогой отмечать, что в наш быт просочилось много музыкальной дряни”. Вот почему наряду с умело стилизованными Н. Богословским одесскими куплетами и неудачной песней А. Эшпая в исполнении М. Бернеса Свиридов упоминает модный шлягер тех лет О. Фельцмана “Мой Вася”, “кабацкие песенки” Петра Лещенко и “будуарный” русский эстрадный романс “Уголок” (“Дышала ночь восторгом сладострастья”).

Безусловно, главными виновниками этого явления были композиторы. Причём как в СМИ, так и в профессиональной композиторской среде вопрос о качестве лёгкой музыки поднимался постоянно. Критике неоднократно подвергались шлягеры типа “Ландыши” или песенок Л. Лядовой. Возникшие дискуссии на заседаниях секции лёгкой музыки в Союзе композиторов СССР доходили до категоричных, обескураживающих и порой совсем уж спорных суждений. Сколько было высказано уничтожающих, поносных слов в адрес А. Лепина за его музыку к кинофильму “Карнавальная ночь”! Справедливости ради надо сказать, что период интонационной мутации в середине 1950-х годов закончился довольно быстро. И профессиональные композиторы, – а в то время композиторы-песенники были за редким исключением людьми с высоким уровнем профессионализма, как правило, выпускники музыкальных вузов, – в конце концов, выработали новый стиль советской массовой песни.

Советская массовая песня второй половины 1950–1970-х годов обогатилась новыми жанрами, новыми интонациями, новыми ритмами, стала разнообразнее гармония, оркестровка. Народ оценил находки композиторов, некоторые песни остались до сих пор в народной памяти. Их поют с гостями в домашнем застолье или в праздничных шествиях на улице. На смену многотрубным, помпезным одам и гимнам сталинской эпохи пришли печальные песни с “гражданской слезой”. В исполнении благополучно вернувшегося на эстраду М. Бернеса обрели популярность суровые, минорные марши Э. Колмановского “Хотят ли русские войны” и “Я люблю тебя, жизнь”. Майя Кристалинская, Нина Дорда, Тамара Миансарова, Лариса Мондрова, Елена Камбурова, Анна Герман, Эдита Пьеха, Мария Пахоменко, Валентина Толкунова и другие (всех не упомяну) открыли новую страницу в истории отечественной эстрады, внесли обаяние и шарм в новую лирическую песню, лучшие образцы которой сохранили до сих пор задушевность, открытость чувств без нагловатой развязности, свойственной более поздним исполнителям.

И хотя песенный жанр постоянно оставался предметом критики, он развивался сам по себе, по своим неписаным законам. Никакие препоны и филиппики в адрес песенок вроде “Чёрного кота” или “Ландышей” не смогли

препятствовать их распространению. Поклонников автора музыки к кинофильму “Карнавальная ночь” Лепин порадует твистом в исполнении Л. Мондрус в ещё одной картине Э Рязанова “Дайте жалобную книгу” и рок-н-роллом в фильме “Деревенский детектив”. Он напишет музыку и к другим фильмам, оперетты, массу песен.

Советская массовая песня в 1960–1970-е годы продолжала развиваться, обретать новые жанровые разновидности, следовать за модой. Как ответ на рок-музыку появились разнообразные ВИА. Разноцветье в песню внесли национальные ансамбли вроде грузинских “Ореро” или белорусских “Песняров”. Арно Бабаджанян, Полад Бюль Бюль-оглы и другие – каждый вносил свою интонацию, отголосок своей культуры. В России была ещё целая плеяда композиторов-песенников разных поколений, такие как Т. Хренников, М. Фрадкин, А. Пахмутова, А. Петров, В. Баснер, А. Колкер, чуть позже А. Зацепин, Г. Гладков, Е. Крылатов... Писали песни и композиторы, чьё творчество связано с другими, академическими жанрами: А. Эшпай, Б. Чайковский, В. Гаврилин.

Преобладающей была лирика, весьма разнообразная, и танцевально-песенный шлягер. Наконец, пришла “женщина, которая поёт”, и определила лицо целой эпохи советской эстрадной песни.

Свиридов все эти годы неизменно следил за песенным жанром. В справочнике СК композиторов возле имени каждого персонажа, чьи сочинения слышал, он отмечает краткой ремаркой понравившуюся песню или даёт краткую характеристику самому композитору¹⁵. Например, на странице 77 Справочника возле фамилии В. С. Дашкевич стоит ремарка “неплохая прикладная музыка”. Или только упоминание сочинения. Например, на с. 87 над фамилией В. Ю Калистратова упомянута песня “Таня-Танюша” хор. обработка”, на стр. 90 – Э. С. Колмановский – “хор[ошие] песни. Живой человек...” или на с. 94 – Е. П. Крылатов “кино-ком[позитор]”. На с. 96 возле фамилии В. С. Левашов – “из Новосиб[ирска]. Первые песни – неплохие”. На с. 102: В. И. Мартынов – “есть киномузыка хорош[ая], “про Петра I”. Или на с. 131 возле композитора А. Н. Фаттах – “Есть песня “Научись на гармошке играть”! На с. 133 возле фамилии М. Г. Фрадкина ремарка: “Учился в Л-де в Театр[альном] институте. Песни – хорошие!” Возле имени А. Н. Колкера – “!Есть – одна песня “Долго будет Карелия снится!” Помимо российских Свиридов отмечал и представителей других республик. Так, на с. 370 над фамилией Паулс Р. В. есть запись: “Отличные песни. Ученик Герм[ана] Брауна”. Свиридов помнил совсем скромных, ныне забытых композиторов. На с. 122 возле фамилии композитора М. Д. Сидрера стоит ремарка: “В Новосибирске вместе голодали. Хорошие песни – “Дундич”, “Брат мой незнакомый”, “Привет морскому ветру!” Встречаются и такие ремарки: “Сволочной тип, но есть хорошая музыка для кино!” В одной из тетрадей “Разных записей” можно найти упоминание о песне А. Морозова “В горнице” (“В горнице моей светло”), вызвавшей его симпатию. Тут сыграло свою роль обращение композитора к любимому поэту Свиридова Н. Рубцову.

Из устных наших разговоров помню, как он, весьма скептически относясь к оперному и симфоническому творчеству А. Петрова, тем не менее, отмечал его песни, находил в них культуру, вкус, гармонические находки, мастерство оркестровки. Ценил песни Геннадия Гладкова. Из песен 1990-х годов сочувственно отнёсся к песне “Осень” Юрия Шевчука, заметив соответствие её характера умонастроению того времени.

После того, как частные радиостанции стали транслировать в огромных количествах западную массовую музыку, в основном англо-американскую, и непрофессиональные поделки местных отечественных подражателей, а также флатную или прибалтнённую песню, так называемый “русский шансон” или “фолк”, Свиридов резко отрицательно отнёсся к современной массовой музыкальной продукции.

Очень ценил песни Валерия Гаврилина. В тетради 1982–1983 годов Свиридов дал следующую оценку его песенному творчеству: “Он обращается к самому доступному, к самому распространённому жанру музыки – эстрадной песне, жанру, имеющему, к сожалению, постоянную тенденцию к падению (ибо в нём, наряду с профессионально-грамотными музыкантами, работает масса случайных людей) и создаёт настоящие перлы музыкальной поэзии (такие, например, как “Два брата”...)”¹⁶.

Свиридов был равнодушен к авторским и бардовским песням. Он не слышал в них ничего оригинального, художественно ценного. Обычной, акустической гитаре предпочитал электрогитару. В конце 1970-х у него возник замысел оперы по маленькой трагедии А. С. Пушкина “Пир во время чумы”. В партитуре указана партия электрогитары. С этим инструментом Свиридов познакомился, слушая рок-музыку.

Он предпочитал слушать по радиоприёмнику западную рок-музыку. Заметил “Битлз”¹⁷, другие английские и немецкие рок-ансамбли. Сохранилось своеобразное пророчество Свиридова относительно современной музыки. В одном из “размышлений вслух”, записанном на аудиокассету, вероятно, в конце 1980-х – начале 1990-х годов и представляющее собой размышление композитора о певце А. Ф. Ведерникове¹⁸, оттолкнувшись от немецкого репертуара знаменитого русского баса, романтических немецких Lied в его исполнении, Свиридов вдруг перешёл к теме современной немецкой песни. Вот его слова: “Именно романтизм возродил национальное искусство в противовес быстро исчерпавшим себя идеям всечеловечества, провозглашённым Французской революцией. Именно сочинения Шуберта, Шумана, Карла Лёве, Роберта Франца, Иоганнеса Брамса, Вольфа – всё это замечательно, вплоть до песен наших дней уже. Надо сказать, что сейчас в Германии, в движении так называемого неакадемического искусства, есть ростки фактически нового искусства, ростки движения будущего искусства. Это германские песни, современные. Я не помню фамилии их авторов. Может быть, я их плохо знаю, и не буду говорить. Но это – настоящее, подчас образцы высокого музыкального искусства, – простые, с изумительно изысканным составом оркестра, да и песни прекрасные. Я нахожу, что это искусство несёт в себе черты будущего. Я глубоко убеждён, что XXI век даст нам расцвет именно песенного искусства, подобно тому, как тысячу лет назад началось после 1000-го года, после Крестовых походов искусство трубадуров, труверов, мейстерзингеров, которое составило целую эпоху великого искусства средневекового”.

К русскому року относился без особого интереса. “Машина времени” и Б. Гребенщиков не произвели на него впечатления, он находил в их песнях вторичность, подражательность. Не помню, слышал ли он В. Цоя и его группу “Кино”, рок группы “Ария”, “Автограф”, “Парк Горького” и некоторые другие, более или менее профессиональные. Но к блатному жанру у него на всю жизнь осталось резко отрицательное отношение. В тетради “Записи 1989–1990 (1996)” есть маленькое эссе “Русская поэзия и стихи на русском языке”, относящееся к 1990 году. Оно открывается следующим абзацем: “Первая (русская поэзия. – А. Б.) – выросла из самой народной почвы, из самой русской земли. Её путь – от древних песен, былин, духовных стихов и т. д. (Пока этот вид поэтического искусства не *изничтожился в частушке*, в куплете под гитару; целый сонм Одесских куплетистов, песенных блатарей вроде Утёсова, Бернеса, Высоцкого etc.)”¹⁹

Обычно защитники блатного жанра ссылаются на протестный характер этой низовой музыки. Безусловно, в демократических кругах, среди фрондирующей интеллигенции эта песня культивировалась как своеобразная форма музыкально-интонационного диссидентства. В народе Владимир Высоцкий был, что называется, свой в доску. Его песни, благодаря магнитофонам, знал весь Советский Союз. Они не призывали открыто к свержению советской власти. Как вода, они медленно, но верно подтачивали кажущийся железобетонным коммунистический режим²⁰. Песня “Диалог у телевизора” (“Ой, Вань, гляди, какие клоуны!”) была не только сама по себе на первый взгляд смешна, в нелепой форме говоря об изнанке жизни советского рабочего. Она делала смешным и нелепым “Марш коммунистического труда”, обнаруживала всю фальшь официальной идеологии, что стояла за этой песней. И в этом была основная историческая миссия песен Высоцкого. Не столько художественная, сколько социальная. Однако социальный подтекст отнюдь не отменяет чисто эстетического критерия качества музыкальной речи, интонационной лексики.

Протесты социальные практически всегда сопровождались музыкой, в первую очередь, песней. И эта музыка чаще всего была отнюдь не высококого стиля. Псалмы Лютера были распеты на мотивы песен, которые пелись в кабаках. К примеру, баптисты в 1920-е годы на мотив популярного “Авиамарша” Ю. Хайта бодро напевали: “Мы рождены, чтоб весть нести Христову”.

Это тот самый “Авиамарш”, любимая песня К. Е. Ворошилова, которую идеолог РАПМа Лев Лебединский обозвал шансонеткой скабрёзного содержания, находя неприличный намёк в словах “а вместо сердца – пламенный мотор”. Такое бывало в истории человечества. И всё же были и иные песни протеста. Яркий пример – знаменитая “Марсельеза”, главная песня победившей Французской революции. Английские тред-юнионы, европейские социал-демократические и социалистические партии, русские народовольцы XIX века имели свои песни протеста. Коммунисты Германии имели достойный музыкальный ответ гимну НСДАП “Песня Хорст Весселя” (“Die Fahne hoch”) – тревожные марши Ханса Эйслера, та же его “Песнь Коминтерна” (Kominternlied) или “Песня Единого фронта” (Einheitsfrontlied). Это протест площадей, где часто проливалась кровь, а не песенки Галича или Визбора “с фигой в кармане”, распевавшиеся под гитару на кухнях хрущёвских пятиэтажек.

Песни революций, политических партий чаще всего создавались на мелодии общеизвестных церковных гимнов, популярных городских песен или военных маршей, но всё же не несли в своём интонационном строе, ритме ничего фривольного, пошлого.

Между тем, в годы перестройки и особенно в 1990-е годы в новой, постсоветской России заметное место в жизни занял криминалитет. Преступный мир стал предметом внимания со стороны художественной культуры. Появилось много романов, кинофильмов, посвящённых бандитам. “Бандитский Петербург”, “Бумер”, “Жмурки”, “Брат” и другие фильмы про уголовников сделали “братков”, их язык, манеры, вкусы, их песни повседневным явлением российского быта. Рингтон из фильма “Бумер”, сочинённый С. Шнуровым, обрёл невероятную популярность. Музыкальную политику радио, исполнителей, звукозаписывающих студий в известной мере стали определять и музыкальные вкусы “братков”. Не думаю, что раскрою секрет, давно уже известно, что криминал опекал, да и сейчас опекает попсу. И блатная песня полезла через все дыры, через кино, через коммерческие радиоканалы, через кассеты и диски, которые продаются на Горбушке.

Либерально настроенная новая власть, воспитанная на песнях “златоустаблатаря” В. Высоцкого, А. Галича и “Машины времени”, всячески поощряла критику советской культурной политики, снимая всякие ограничения, поощряя полную свободу выражения. Как только не издевались над пресловутыми художествами наши современные барды и их покровители! И блатная песня нашла своих покровителей и популяризаторов среди руководства масс-медиа, стала необыкновенно распространённой в около-интеллигентской среде, среди простого населения. Она заняла почётное место в российском кино.

Свиридов ушёл из жизни в начале 1998 года. Его мысли по поводу судьбы родины в конце жизни наполнены горечью и разочарованием. Он увидел, какую культуру новая власть пропагандирует, описал её механизм. Он прекрасно понял, что у этой власти нет никакой более или менее определённой музыкальной политики, – она и сегодня остаётся тайной за семью печатями для широкой общественности. Иногда кажется, что не министерство культуры РФ, а композитор Игорь Крутой и певица Алла Пугачёва руководят всей массовой музыкой Российской Федерации, выбирая самостоятельно репертуар, композиторов, исполнителей для показа на Первом канале ТВ в разнообразных шоу, концертах, конкурсах. Музыкальную политику стало диктовать не государство, а меломаны из кругов современных отечественных “буржуа нуво”, скупающих радиостанции, студии звукозаписи. Они сами поют или пишут стихи, на которые тут же откликаются услужливые, “свободолюбивые” в советском прошлом песнотворцы с гитарой. Вместо художественных достоинств песен стали диджеи, звукоинженеры, продюсеры – люди, чаще всего не имеющие музыкального образования.

Время бежит, и вот посевшие “стиляги”, когда-то дружно ругавшие советскую власть за зажим свободы творчества, за гонения на джаз и бардовскую песню, ныне находятся в растерянности. Они столкнулись с новым для них явлением массовой культуры – русским рэпом – и не понимают, как к нему относиться. В то время как рэперы в своих речёвках под звуки, даже отдалённо не напоминающие музыку, весьма недвусмысленно выражают своё отнюдь не доброе отношение к стоящим у власти “стилягам”.

Сегодня государственные чиновники с помощью пианистов и дирижёров, директоров цирков и музеев пишут закон об окормляемой государством

культуре. А между тем реальная народная культура современного города кричит на улицах, рэп блажит и обкладывает матом всю нынешнюю власть, начиная с президента страны, посылая всех по такой дальней трассе, что страшно и подумать, а не то, что сказать. Сужу по своим студентам в СПбГУ. Не “Машина времени” или “Ленинград”, а “Оксимирон” или “Слава КПСС” сегодня властители душ российского студенчества. И наши законодатели, “думные дьяки” находятся в растерянности, не зная, придушить птичку или приручить. С приручением, как показывает жизнь, пока не получается. Русский рэп оказался весьма строптивым, несговорчивым. Выходит на улицы вместе с протестующими. А придушить опасно, вновь весь мир заголосит, что “топтыгин чижика съел” (М. Е. Салтыков-Щедрин). И власть просто не знает, что с ними делать. Своя своих не познаша...

Приходится констатировать факт. Массовая песня советского периода напроочь убита, достойной альтернативы ей так и не удалось создать. Так называемый русский рок не вышел на мировую арену, оставаясь чисто внутренним продуктом российской музыкальной культуры, главным образом, продуктом творчества композиторов-любителей. Массовая музыка целиком отдана в полное распоряжение рынку. В российской масс-медиа господствует культура шлягера, так называемая попса. И известная доля в общем, суммированном репертуаре всего российского масс-медиа принадлежит блатной песне.

Конечно, государственная культурная политика при нынешних технологиях просто бессильна обуздать эту стихию. Закон рынка очень прост, даже примитивен. Вкус определяет потребность. То, что лучше, больше потребляется, то и производится, и продаётся. И самый потребляемый продукт, как правило, самого низкого качества. Но отданная бизнесу массовая культура несёт в себе опасность не только для культуры, но и для существования самого государства. Произошло то, что давно уже напорочествовал испанский философ Ортега-и-Гассет – восстание масс. Есть и своя специфика. Советская культура держалась ещё и за счёт вкуса достаточно широкой демократической аудитории, которая как-то воспитывалась и просвещалась. Эта широкая аудитория сегодня скукожилась до мизерных размеров. Так называемый средний класс в последние годы совсем потерялся, оказался размытым. Пролетаризация интеллигентного труда привела к тому, что у нас так и не образовалась та самая влиятельная культурная среда, которая поддерживает высокий уровень музыкальной культуры, к примеру, в Германии или Соединённых Штатах. В результате массовое сознание и массовые вкусы стали господствующими во всей современной России. Люмпенизация общественного музыкального вкуса породила в России совершенно невиданную по масштабам разнузданную диктатуру безвкусыя.

Я не питаю никаких иллюзий относительно Запада. Многие идут оттуда. Западная музыкальная индустрия ежедневно выкидывает на рынок бесчисленное количество ничтожной, чаще всего бездарной продукции. И чем больше её потребляют, тем её больше производят, и она становится всё хуже и хуже. Тем не менее, ей трудно отказать в высоком уровне оркестровки, технологии записи. Это прекрасно понимал Свиридов

Волею судеб я изъездил на машине практически всю Западную и Центральную Европу. Каждый раз, въезжая в ту или иную страну, я кручу ручку приёмника и вслушиваюсь в радиоэфир. Очень редко промелькнёт талантливая, оригинальная песня. Одна из миллиона. В основном же – масса безликой, стёртой чепухи, непитательной, безвкусной. Но, откровенно говоря, такой низкопробной дряни, как “русский шансон”, я не слышал нигде.

Вспоминаю, как сравнительно недавно, весной 2019 года спускался по эскалатору в метро на станции “Гостиный двор” – это в самом центре Петербурга, на Невском – и в конце спуска читаю на последнем щите рекламу концерта: “Песни итальянской мафии”. Рядом с этой станцией Большой и Малый залы филармонии, Михайловский театр, Государственный Русский музей, театр оперетты и драматические театры. Я оторопел. Хотел представить себе такую афишу в Палермо близ Teatro Massima или в Неаполе возле Chiesa di Santa Maria della Colonna (в этой церкви часто проходят концерты). И не представил. Хотя на Сицилии, как известно, обитает мафия, а в Неаполе – каморра. Но уж совсем невозможно себе представить в той же Катанье, на родине В. Беллини, или в Брешии, где родился Г. Доницетти, рекламу концерта под названием *Le canzoni dei banditi russi*. Это просто немыслимо. А в Петербурге,

где жили и творили Глинка, Мусоргский, Бородин, а сегодня процветает группа “Ленинград”, концерт из песен итальянской мафии — это нормально.

Бороться с блатным жанром — дело бесперспективное, заведомо проигрышное. Свиридов по-донкихотски боролся с ветряными мельницами. Сегодня не то, что бороться, а просто упоминать о такой проблеме — небезопасно. Точно так же как трудно себе представить, что из нашей жизни может исчезнуть матерный язык, этот его музыкальный аналог никогда не уйдёт из народного слуха. Сегодня этот язык признан официально и без всяких ограничений звучит по всем радио- и телеканалам, распространяется Internet-вещательными компаниями, рекламируется на многочисленных сайтах и блогах. Свободное распространение в невиданных размерах сделало этот язык необычайно популярным. О певцах, поющих блатные песни, об их личной жизни и даже смерти с придыханием говорят радио- и телевещатели. “Блатарям” ставят памятники.

Единственное средство противостояния этому — массовое музыкально-эстетическое просвещение и образование. Воспитание вкуса, воспитание эстетических потребностей возможно, как и воспитание чувств.

Справедливости ради стоит заметить, что советская власть пыталась это делать и отнюдь небезуспешно. Партийные идеологи рассматривали массовое музыкально-эстетическое образование и воспитание как государственную задачу. Не так, чтобы очень важную, но, тем не менее, достаточно актуальную ещё в хрущёвскую, да частично и позднее, в брежневскую эпоху. На решение этой задачи направлялись силы как государственной школы, средств массовой пропаганды (радио, грампластинки), так и общественных организаций.

Сразу через несколько дней после выхода статьи Свиридова 23 сентября 1958 года в прессе появился текст записки Н. С. Хрущёва “Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования”. Записка эта была одобрена Президиумом ЦК КПСС и, в конце концов, в декабре 1958 года стала законом.

По этому закону новая неполная средняя школа-восьмилетка должна “осуществлять нравственное, физическое и эстетическое воспитание детей”. Кроме того, по новому закону перед педагогическими университетами и институтами ставилась цель “улучшить подготовку учителей”; “расширить подготовку учителей для начальных школ, имея в виду в дальнейшем полностью завершить переход на комплектование всех школ учителями с высшим образованием”.

Как в школах восьмилетках, так и в полных средних школах существовал урок пения. И многие учителя пения в общеобразовательных школах обучались не только в педагогических учебных заведениях, но имели и высшее музыкальное образование. Естественно, что авторитет учителя пения, окончившего консерваторию, был достаточно высок, руководство школ не могло с этим не считаться. В новом законе была ещё одна новация, касающаяся художественного образования, в том числе и в области музыки. В статье 35 раздела “Высшая школа” указывалось, что “при подготовке специалистов с высшим и средним образованием в области музыки <...> большее распространение должна получить система обучения без отрыва от производства с тем, чтобы обеспечить возможности для получения этого образования широкими кругами трудящихся и выявления талантов из народа”. Конечно, такая система не могла обеспечить подготовку музыкантов высокого профессионального уровня, которые могли бы стать солистами в театрах или филармониях. Но для будущей педагогической работы и просветительской деятельности такое образование вполне было пригодным, качественным.

И вот что примечательно. В том же номере газеты “Советская культура” от 15 ноября с информационным сообщением о Пленуме ЦК КПСС, на котором было принято Постановление с одобрением проекта тезисов ЦК КПСС и Совета Министров СССР “Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране” на первой странице была опубликована статья Арама Хачатуряна “Быть достойным грандиозной программы”. И в этой статье практически повторялись все те мысли, которые суммировал в своей статье “Искоренять пошлость в музыке” Свиридов.

Привожу фрагмент статьи Хачатуряна. “Скажу о своих товарищах композиторах, о себе: нет ли известного самоуспокоения в нашей среде? Не наблюдается ли чрезмерная бюрократизация в организации нашей творческой

деятельности, ведущая к отрыву от жизни, от высоких задач коммунистического воспитания широчайших слоёв народа и, в первую очередь, молодёжи? Не слишком ли равнодушно мы проходим мимо вопиющих фактов массового морально-эстетического отравления советской молодёжи вредной продукцией всевозможных окололитературных и околomuзыкальных халтурщиков?

Думается, что мы, композиторы и музыковеды, музыканты-исполнители и педагоги, далеко не всё сделали для того, чтобы добиться коренного улучшения дела музыкального воспитания в нашей стране, начиная с общеобразовательной школы и кончая специальными музыкальными вузами.

Мы не смогли ещё добиться того, чтобы недавно созданное Всероссийское хоровое общество стало подлинным центром развития хоровой культуры в нашей стране, издавна славной своими традициями народного хорового пения. Мы ещё миримся с недопустимым отставанием нашей граммофонной промышленности – и в техническом, и в количественном, и в репертуарном отношениях. Страна, идущая на всех парах к коммунизму, страна, достигшая самых ярких во всём мире успехов в области науки, в сфере атомной техники и электроники, не может позволить себе никакого отставания и в области искусства”.

Обучение музыке было неплохо поставлено в Домах пионеров и школьников, в кружках при Домах культуры. Массовому музыкально-эстетическому просвещению и образованию также уделялось внимание. Существовали всевозможные лектории и кружки в народных университетах, которые стали возникать в конце 1950-х годов, при культпросветучреждениях, в обществах, в том числе и в таком авторитетном, как Всесоюзное общество “Знание”. ВЦСПС, комсомол, министерства культуры и просвещения также вносили свою лепту в массовое музыкальное просвещение. И надо сказать, что композиторы в то время прекрасно понимали важность и ценность обучения музыке в общеобразовательной школе. В июне 1958 года в одной из своих статей об этом написал Д. Д. Шостакович. “Пропаганду хорошей музыки нужно начинать со школьной скамьи, с первого класса, чтобы ребята изучали музыкальную грамоту, народные песни и лучшие произведения мировой и русской, советской музыки. Это позволит приобщить миллионы граждан нашей страны к богатствам музыкальной культуры”²¹.

Большое значение придавалось хоровому пению. Самодеятельные хоры были распространены не только в вузах, но и при крупных заводах и фабриках, в различных организациях и учреждениях. Просветительские и образовательные задачи ставились перед Всероссийским хоровым обществом, которое было создано в 1958 году. О задачах Хорового общества и его значении для массового музыкального просвещения много говорил на разных совещаниях и собраниях, часто выступал в печати авторитетный хоровой дирижёр, художественный руководитель Госхора, ректор Московской консерватории А. Свешников²². Он по праву возглавил вновь созданное Всероссийское хоровое общество.

Насколько серьёзное внимание уделялось новому обществу, можно судить по постановлению ВЦСПС “Об участии профсоюзных организаций в работе Всероссийского хорового общества”. 17 июня газета “Советская культура” информирует читателей о состоявшемся заседании Президиума ВЦСПС, где было принято это постановление. В частности, как следует из текста сообщения, “придавая большое значение дальнейшему развитию музыкальной культуры среди трудящихся, расширению хорового искусства, художественной самодеятельности рабочих и служащих, президиум ВЦСПС рекомендует профсоюзным организациям и культурным учреждениям принять активное участие в создании и деятельности в первичных организациях Всероссийского хорового общества на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях, совхозах и развернуть массовое вовлечение в общество любителей музыки и пения. Необходимо организовать хоровые коллективы при каждом профсоюзном клубе, добиться, чтобы в учреждениях культуры нашли широкое развитие академические, народные, мужские, юношеские, детские хоровые коллективы, вокальные ансамбли, октеты, квинтеты, квартеты и т. п., чтобы художественная самодеятельность пополнялась новыми участниками из рабочих, служащих, учащихся”.

Массовому музыкальному просвещению много уделялось внимания на радио. Надо сказать, что Главная редакция музыкального вещания Всесоюзного радио многое делало для того, чтобы в эфире постоянно звучала серьёзная музыка, в первую очередь, классика в исполнении лучших отечественных и зарубежных артистов и коллективов. Многочисленные письма в Комитет по Ленинским премиям по поводу произведений, выдвинутых на Ленинскую премию, шли со всей страны, из самых отдалённых уголков. Это красноречиво говорит о том, что у радио, у музыкальных программ была многочисленная аудитория по всей стране. О том, какую большую просветительскую работу вела Главная редакция музыкального вещания, говорит хотя бы небольшой, выборочный список программ. Это и “Радиоуниверситет музыкальной культуры”, и “Воскресные музыкальные вечера”, и “Музыкальные вечера для юношества”, “Избранные симфонические произведения русских композиторов”, а также “Избранные симфонические произведения советских композиторов”, “Выдающиеся исполнители”, “Мастера вокального искусства”, “Как полюбить оперу”, наконец, “Встреча с песней”, чудом дожившая до наших дней благодаря бессменному её ведущему Виктору Татарскому. Надо сказать, что пока существовала музыкальная редакция на ул. Качалова (помню её в конце 1990-х, когда она была преобразована в Российский государственный музыкальный центр ТВ и радиовещания) и её возглавлял замечательный музыкант, мастер своего дела, художественный руководитель, главный редактор Г. К. Черкасов, уровень радиопередач был достаточно высок. В редакции были люди с высшим музыкальным образованием и, при всём различии их музыкальных интересов, они всё же держали марку, не давали музыкальным программам низко опускаться. И Свиридов с удовольствием выступал в 1980-е годы на радио и на телевидении.

Это особенно заметно в сравнении с тем, что творится на радиоканалах сегодня. Классическая музыка “сжимается”, как шагреновая кожа, сегодня осталась только радиостанция “Орфей”, да и та буквально на глазах неуклонно движется в сторону развлекательности. Для сравнения, в Париже существует четыре радиостанции классической музыки, отличающиеся индивидуальной манерой подачи материала, богатым и разнообразным репертуаром. И рядом с ними есть замечательная станция Chant, посвящённая французскому шансону. Причём не только песенной классике, но и современной французской песне.

У нас же всё в одночасье изменилось в 1991 году. Сначала был ликвидирован Государственный комитет СССР по телевидению и радиовещанию и на его базе 8 февраля 1991 года была создана Всесоюзная государственная радиовещательная компания, которая приказала долго жить в момент распада Советского Союза. 27 декабря была образована Российская государственная телерадиокомпания “Останкино”. В её подчинении были всевозможные студии, творческие объединения, редакции. Долгие годы прошли в реорганизации государственного теле- и радиовещания, долго длился чехарда с редакциями, переподчинением, упразднением и восстановлением радиопрограмм.

Наконец, появилось частное радио и телевидение. Частные музыкальные радиостанции стали плодиться, как инфузории. На бедную Россию обвалился буквально ураган мировой массовой музыкальной продукции. Этот ураган смёл советскую массовую песню, на волнах музыкальных радиостанций какое-то время пытался барахтаться так называемый русский рок, но и его, в конце концов, смела гигантская волна музыкальной “попсы”.

Конечно, свободный рынок подарил российскому любителю музыки возможность выбора. Сегодня можно слушать музыку на любой, самый взыскательный вкус. Собственно, мы живём в условиях реальной мировой музыки. Однако, при всём её обилии и разнообразии, массовая музыка, транслируемая на радио, удивительно однообразна и совершенно ничтожна в художественном отношении. Наряду с зарубежной попсой в России процветает блатная песня, стыдливо называемая “русским шансоном”.

Самое страшное в сложившейся ситуации — это замена произведений профессиональных композиторов на поделки дилетантов. Как мы видим, Свиридов ещё в начале 1980-х годов отметил, что в жанре эстрадной песни “работает масса случайных людей”. Но если в то время это были ещё единицы, то в начале 2000-х это стало массовым явлением. И как раз “попса” — это, в основном, прибежище для любительства. Не говоря уже о “русском шансоне”.

Падение профессионализма в области массовой музыки, – пожалуй, одна из самых важных причин застоя, а если говорить по правде, загнивания массовой песни.

Советское государство пыталось поддерживать и стимулировать творчество композиторов в песенном жанре. В 1958 году было объявлено несколько конкурсов. Главным среди них был конкурс на создание нового гимна СССР. Хрущёв ещё в декабре 1955 года пришёл к идее заменить старый сталинский гимн А. Александрова новым, и конкурс был объявлен в 1957 году²³. Он был продолжен в 1958-м и последующие годы, длился до конца срока руководства Хрущёва и позднее, уже при Брежневле, вплоть до 1977 года, когда решили вернуться к старому гимну и попросили С. В. Михалкова написать новые слова²⁴. Как раз после выхода статьи Г. В. Свиридова в газете “Правда” 29 сентября состоялось очередное заседание Секретариата Союза композиторов СССР, посвящённое прослушиванию очередных проектов нового гимна. Слушали тонфильмы проектов Б. Александрова, А. Бабаджаняна, М. Блантера, В. Белого, К. Молчанова, И. Петрова, В. Соловьёва-Седого, А. Титова, С. Туликова, А. Холминова, В. Шебалина и Д. Шостаковича (на сл. С. Михалкова). Рекомендовали для опубликования редакции газеты “Правда” (под рубрикой “Песни о Родине”) проект гимна К. Молчанова и А. Титова²⁵.

Помимо этого, главного конкурса, в том году был конкурс массовой песни, посвящённый 40-летию ВЛКСМ. Жюри возглавлял Т. Хренников²⁶.

Увы, уже в 1980-е годы и особенно после “перестройки” музыкальной культуре, особенно массовой, был нанесён невосполнимый урон. Не говоря уже о жалком положении музыки в общеобразовательной школе, закрывались дома культуры, дворцы пионеров и школьников и, соответственно, музыкальные кружки при них, прекращалось массовое обучение игре на музыкальных инструментах. Когда-то многочисленные, самодеятельные хоровые коллективы при вузах, при крупных заводах и фабриках, в воинских частях уничтожались один за другим. В это время бедственное положение переживали и профессиональные хоровые коллективы, особенно народные хоры. Многие из них расформировывались. Сегодня массовое музицирование перешло из публичной в частную сферу интересов. Частный педагог, частная школа, в которой есть уроки музыки, становятся едва ли не главными источниками массового музыкально-эстетического воспитания.

Но возвращаемся к статье Свиридова. После её выхода в свет в редакцию газеты “Правда” посыпались письма. Некоторые из них, в поддержку автора, газета решила опубликовать²⁷. Те письма, в которых точка зрения Свиридова подвергалась порицанию, газета публиковать не стала. Правда, среди этих писем были и такие, что содержали неприкрытые угрозы в адрес композитора. Особенно этим отличались письма горячих одесситов, которые в статье Свиридова не нашли ничего, кроме критики Бернеса.

Привожу фрагменты из одного коллективного письма от группы инженерно-технических работников и служащих Черноморского государственного морского пароходства (всего 18 подписей)²⁸. Лишь в самом начале письма, что называется, для приличия, авторы выражают согласие с некоторыми мыслями композитора. “Вы совершенно правы в том, что немислим культурный человек без знания мировой и отечественной музыкальной классики. Согласны с вами мы в том, что организации, популяризирующие музыку, во имя выполнения финансового плана пошли по наиболее лёгкому пути, наводнив рынок низкопробной музыкальной халтурой типа “Одесский порт” и “Мой Вася”. Нам так же, как и вам, противно смотреть, как некоторая часть нашей молодёжи не находит себе иного применения, кроме вздохов под музыку Лещенко или дикого выплясывания под душераздирающие звуки рок-н-ролла”.

“Одесский порт” стал шлягером благодаря Л. Утёсову, так что, упоминая его, авторы письма решили заодно незаметно уколоть и конкурента Бернеса. А дальше пошли доводы в защиту любимого певца. Главный аргумент – “мы любим и уважаем творчество одного из старейших артистов кино – М. БЕРНЕСА”.

Такой аргумент в принципе неопровержим. И далее, стремясь написать как можно более весомо, убедительно, авторы упоминают несколько знаменитых песен, о которых в статье Свиридова *нет ни слова*.

“Любимый город может спать спокойно...”, – слушая музыку и слова этой песенки, мы с законной и понятной гордостью вспоминаем наших славных лётчиков, сберегающих сон наших детей.

“Тёмная ночь”, “Полезная почта”, “Далеко от дома” – разве вы забыли, как часто в этой песне находили отдых люди, утомлённые тяжёлым многочасовым боем? А ведь их мы впервые услышали далеко не в пошлом исполнении М. Бернеса”.

Нет, Свиридов помнил эти песни, прекрасно понимал их значение, потому и не упоминал их в своей статье. Статья Свиридова вообще не была посвящена персонально актёру М. Бернесу, популярному исполнителю песен. Он говорил совсем об ином, и это иное фактически прошло мимо сознания авторов коллективного сочинения.

В конце письма авторы, не удержавшись, всё же решили задеть честолюбие Свиридова. “Ваша на редкость необъективная оценка творчества М. Бернеса, одного из наших любимых артистов кино, показалась нам очень странной. Между прочим, такая злопахательская манера критики свойственна композиторам-неудачникам. Не из них ли вы, тов. Свиридов?”

Наибольший интерес представляет реакция на статью Свиридова в профессиональной среде.

13 октября 1958 года состоялось очередное заседание Секретариата ССК СССР. Состав присутствующих был необычным: помимо композиторов и музыковедов, присутствовали представители прессы, Всесоюзного радио, ВГКО, Дома звукозаписи и др. Протокол заседания зафиксировал следующий состав присутствующих: тт. Т. Хренников, А. Новиков, С. Аксюк, Д. Кабалевский, М. Коваль, В. Мурадели, К. Хачатурян, Э. Мирзоян, Я. Солодухо, Г. Восканян, Г. Щепалин, В. Фере, М. Блантер, А. Цфасман, О. Фельцман, М. Фрадкин, Н. Минх, М. Табачников, Е. Жарковский, А. Островский, В. Белый, Ю. Келдыш, Ц. Рацкая, Л. Данилевич, М. Иорданский, А. Арский, А. Лившиц, С. Зив, Е. Светланов, В. Кухарский (газ. “Правда”), Игнатьева (газ. “Советская культура”), М. Гринберг (Мосфилармония), А. Белоусов и Л. Шилтова (Всесоюзное Радио), представитель ВГКО, представитель Дома звукозаписи и др.²⁹.

В повестке дня значилось:

“Обсуждение статьи Ю. Свиридова, опубликованной в газете “Правда” от 17 сентября с. г. “Искоренить пошлость в музыке”.

И далее по протоколу: “В обсуждении приняли участие: А. Новиков, В. Кухарский, М. Коваль, А. Цфасман, М. Блантер, Ц. Рацкая, Д. Кабалевский, Е. Жарковский, М. Табачников, О. Фельцман, В. Белый, С. Аксюк, А. Островский, Н. Минх, Т. Хренников (см. стенограмму).

ПОСТАНОВИЛИ:

Обратиться с открытым письмом в редакцию газеты “Правда”. Поручить составление проекта письма на основе обсуждения в трёхдневный срок Я. Солодухо”.

Помимо протокола, сохранилась стенограмма обсуждения статьи³⁰. Оно было горячим, несколько сумбурным, каждый говорил о своём, наболевшем, композиторы не стеснялись в открытой критике своих коллег. Статья вызвала к себе разное отношение, в том числе и весьма нелицезное. Покритиковали Свиридова и за Бернеса. Но всё же многие прекрасно понимали, что не в Бернесе дело.

Не имея возможности воспроизвести всю стенограмму, далее передаю вкратце, стенографически, а в некоторых случаях прибегаю к цитированию текста выступлений, опубликованных в отчёте об этом собрании в последнем номере журнала “Советская музыка” за 1958 год³¹. Слова выступающих взяты в кавычки.

Дискуссию открыл Хренников, отметив, что статья вызвала большой резонанс, и предоставил первое слово А. Новикову.

Новиков А.: “Самое главное, чтобы наши пластинки перестали быть “кастролями”, на которых торговцы делали “погоду”, чтобы это перестало быть делом торговым. <...> И сейчас ещё в санаториях до сих пор передают “Голубой залив” Лещенко, Козина, Вертинского”. Затем Новиков напомнил, что в Норвегии Григ включён в обязательную школьную программу средней школы. Посчитал, что школьник должен уметь прочесть ноты. Потом выразил мнение, что молодёжи нужно объяснить, что “Мишка” – это плохо.

Кухарский В. Ф.: “Могу сказать, что это вызвало огромный интерес, что подавляющее большинство читателей очень поддерживают ту тревогу, которая была высказана Ю. Свиридовым и его статьёй... Многие письма содержат

настоятельные требования наладить, наконец, по-настоящему музыкальное воспитание детей в общеобразовательных школах. Серьёзные претензии предъявляются телевидению, которое подчас вместо того, чтобы воспитывать вкусы, портит их. Многие, по мнению читателей, зависит и от советских композиторов; изгнать отовсюду пошлятину можно, лишь противопоставив ей хорошую эстрадную музыку, а её создаётся пока ещё мало. Среди присланных в “Правду” писем есть и такие, в которых полностью отрицается серьёзная музыка, якобы не нужная народу. Эти письма лишний раз подтверждают необходимость серьёзной музыкально-воспитательной работы в массах”.

Коваль М.: “Я бы хотел пополнить статью Ю. Свиридова некоторыми фактами, которым я был свидетелем, но фактами, ярко говорящими о неблагополучии в области воспитания музыкальных вкусов Москвы”. Композитор выразил тревогу по поводу того, что современная молодёжь совсем не знает русских песен, не умеет и не любит петь их. И далее говорил о преподавании музыки в школе.

Цфасман А.: “Сыграл песню Бабаджаняна и указал, что это мелодия Прозоровского”. О Бабаджаняне: “Он как-то принёс на радио песню, которая представляет собой смесь еврейской и армянской музыки, и когда ему сказали, что недопустимо так писать, он начал ещё спорить”. Напомнил, что о состоянии массовой песни была статья Шостаковича, статья в “Литературной газете”. Вспомнил заседание, на котором Кабалевский весьма критически отзывался о музыке к фильмам “Девушка с гитарой” и “Матрос с “Кометы””. “Я музыку Островского и Саульского не слышал, но я слушал музыку Фельцмана. Должен сказать, что музыку мы не пропустили. В это же время слушали песню Эшпая, и некоторые заколебались в отношении этой музыки, но я сказал, что если примут эту музыку, то я уйду... В чём я не могу согласиться со статьёй, это с тем, имеют ли право драматические артисты петь. Никому не приходит на ум порочить артиста, который поёт в театре. Нельзя, конечно, допускать петь на эстраде таких артистов, как Сегал. Так петь можно на вечеринке, но разрешать петь на эстраде абсолютно невозможно. Т. Свиридов в этом принёс большой вред, т. к. некоторые начнут изгонять эстрадных певцов. Вот что, мне кажется, было здесь неправильно”.

Блантер М. напомнил статью о Бернесе в “Комсомольской правде”, не связанную со статьёй Свиридова. “Я на 100% подписываюсь под фактами, затронутыми в этой статье Ю. Свиридова”. По мнению М. Блантера, в разращении музыкальных вкусов слушателей повинны якобы не столько сами авторы пошлой музыки, сколько организации, пропагандирующие эту музыку. “Музыкальная общественность, — заметил он, — отрицательно восприняла музыку О. Фельцмана к фильму “Матрос с “Кометы””. Однако газета “Вечерняя Москва” в рецензии на фильм дала восторженную оценку этой музыке”. Оратор выразил тревогу по поводу того, что в песенном творчестве подчас приходится сталкиваться с опошлением самых высоких патриотических тем, и это гораздо страшнее, чем слащавые песенки о любви. М. Блантер привёл в качестве примера песню А. Островского “Так нам сердце велело”, премированную на конкурсе к сорокалетию ВЛКСМ. “Текст этой песни (автор Л. Ошанин) своим низким художественным качеством только дискредитирует избранную авторами тему”. Затем похвалил Силантьева. Его шокировал портрет эстрадной певицы Лазаренко в фойе зала, где проходила какая-то всесоюзная конференция, которую организовала Фурцева. “В “Советской культуре” была помещена статья Лепина после выхода “Карнавальная ночь”. В ней Лепин в развязном тоне разглагольствовало о музыке. Он там наряду с фамилией Шостаковича упомянул фамилию Табачникова. Я ничего не имею против Табачникова, но знаю, что это эстрадный композитор. Если бы было написано “Шостакович и Блантер”, то меня бы это смутило. Это был щелчок по настоящей музыке и в самом тоне статьи, и в самом смысле”. Вспомнил А. Борисова, которого Шаляпин считал лучшим эстрадным певцом.

Лепин А.: “Наступило другое время, теперь песни нужно по-новому писать. Газета “Советская культура” писала пошлые рецензии о симфонии Шостаковича, но хвалила сомнительные песни”. Сказал, что в Радиокomiteте и Минкультуры вкус очень плохой. Вспомнил Лазаренку. “Здесь сидит Островский. На днях происходил конкурс на комсомольскую песню, и его песня на слова Ошанина была премирована, но ведь это позор. В этом конкурсе принимали участие и Союз композиторов, и ЦК Комсомола. Директор издательства

Гольцман задержал эту песню в печати... Почему такая статья не появилась много лет назад? Все знают, что советские песни много сделали полезного. И композиторы, и поэты писали самые важные песни. Там были и лирические. Но за этими лирическими стихами, за этой музыкой чувствовалось подлинное лирическое начало советского человека. Сейчас везде на это место стала та литература, о которой, может быть, скажут мягче или жёстче, но помимо того, что нам нужно поставить в известность Министерство культуры, Радиокomitee, ЦК комсомола, нужно наше отношение к этому делу изменить, нужно нам самим работать в этой области". Обвинил кинематографию, газету "Вечерняя Москва".

Кабалевский Д., возражая М. Блантеру, подчеркнул, что за проявление пошлости в музыке несут ответственность, в первую очередь, композиторы. Критиковал музыку фильмов "Карнавальная ночь", "Девушка с гитарой" и "Матрос с "Кометы", не отвечающую требованиям жанра музыкальной комедии. Признал, что Секретариат Союза композиторов очень мало занимался вопросами массового музыкального быта, хотя сигналы о засилии дурных вкусов неоднократно появлялись в печати, в частности, в журнале "Советская музыка".

Жарковский Е. ругал молодёжь из университета, которой он показывал свою музыку. Они предпочитают слушать BBC.

Табачников М.: "Статья в "Правде" очень хорошая и вовремя дана. Когда я первый раз её прочёл, я обозлился, а когда второй раз прочёл, успокоился. Разве дело в песенке "Мой Вася", разве дело в Бернесе? Дело глубже".

Фельцман О.: "Появление статьи в "Правде" очень своевременно для нас и, кроме пользы, ничего не принесёт. Это глубокая и правильная статья. Единственное, что неправильно, что одинаковый критерий предъявляется певцам и людям, которые на это не претендуют. Но это второстепенная дискуссия, остальные проблемы поставлены прямо, правильно, и у себя нужно об этом говорить и исправлять это дело".

Белый В.: "Статья т. Свиридова в "Правде" нужная и верная, и вызывает много мыслей, и призывает к простым земным делам... Пора от общих разговоров перейти к конкретным делам. Министерство культуры издало за последнее время очень много приказов по вопросам музыкальной культуры, однако мало что делается для их реализации. Существует много людей, в том числе и среди молодёжи, которые интересуются серьёзной музыкой, стремятся расширить свой музыкальный кругозор, но отовсюду поступают жалобы на отсутствие нот, книг по вопросам музыки, выпускаемых ничтожными тиражами, хороших пластинок. Пора уже Министерству культуры решить эти организационные вопросы, от которых, в первую очередь, зависит состояние массового музыкального быта". В конце выступления предложил очередной пленум Союза композиторов посвятить лёгкой музыке.

Аксюк С.: "Как нам реагировать на статью в "Правде"? Потому что очень активная реакция нашей творческой организации неперемenna. Если бы мы поместили письмо от Союза композиторов в "Правде", то это было бы правильно. Второе – нужно решение такого рода, которое бы мобилизовало наши творческие организации по всей стране. Вопрос большой государственной важности. Нам его самим не решить. Один из пленумов нужно посвятить массовым жанрам. В 1959 году ближайший пленум посвятим этой проблеме". Выразил мнение, что вопросы, затронутые в статье Г. Свиридова, надо решать в государственном масштабе. На XXI съезде партии, где будет обсуждаться семилетний план развития нашей страны, должен прозвучать голос композиторов, ратующих за большой план музыкально-культурного строительства.

Островский А.: "Ухожу с плохим настроением".

Минх Н.: "Нужно подумать о секции лёгкой музыки в СК РСФСР". Говорил о том, что в работе секции лёгкой музыки Союза композиторов должны участвовать не только композиторы, но и дирижёры, исполнители, работники Радио, граммофонной промышленности. Тогда можно будет выработать какие-то общие критерии, ликвидировать существующий в настоящее время разрыв в оценках и вкусах.

Хренников Т.: "Мне кажется, что сегодняшнее заседание Секретариата и выступления подтвердили положения статьи Свиридова, напечатанной в "Правде". <...> Много говорим и ничего не делаем. Нам необходимо в результате сегодняшнего совещания написать развёрнутое письмо в "Правду",

использовать все выступления и указать все эти каналы, по которым идёт дурное воспитание, а дальше планомерно заняться такой активной работой во всех учреждениях, от которых зависит формирование музыкальных вкусов в нашей стране. Время, потраченное сегодня, не будет потрачено даром, чтобы это всё привести в действие. Учтём предложение о пленуме и в 1959 году посвятим пленум массовому жанру”. Указал на ряд конкретных дел, в которые Союз композиторов должен вмешаться. “Под давлением Союза, – сказал он, – было принято решение ввести уроки пения во всех классах общеобразовательной школы. Однако это решение пока остаётся на бумаге, и наша задача – добиться его реализации. Необходимо активизировать деятельность Всероссийского хорового общества, которое пока что работает весьма вяло. Нужны встречи с руководителями ВЦСПС по вопросам музыкальной самостоятельности, с работниками Министерства культуры, радио, телевидения, – словом, Союз должен воздействовать на деятельность всех организаций, от которых в той или иной мере зависит формирование музыкальных вкусов нашего народа”.

Как и было решено на заседании, в результате обсуждения появилось коллективное письмо. Так как это письмо никогда не публиковалось и не известно общественности, привожу его целиком³²:

“В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ “ПРАВДА”
Главному редактору Сатюкову П. А.

Секретариат Союза композиторов СССР просит Вас опубликовать в газете “Правда” нижеследующее письмо.

Обсудив опубликованную в “Правде” 17 сентября 1958 года статью композитора Г. Свиридова “Искоренять пошлость в музыке”, Секретариат Союза композиторов СССР считает своим долгом заявить о своём полном согласии со всеми основными положениями этой статьи.

Г. Свиридов совершенно прав, говоря о выдающихся успехах музыкального искусства в нашей стране, о том, что советское музыкальное творчество и исполнительство пользуются признанием, любовью и уважением во всём мире и в значительной мере определяют судьбы всей современной мировой музыкальной культуры.

Но прав также Г. Свиридов, когда с тревогой говорит о серьёзных недостатках в нашем музыкальном быту. Недостатки эти не раз уже становились предметом общественного обсуждения, и вызывают они беспокойство не только в музыкальных кругах, но и среди очень широких слоёв советских людей самых различных профессий. Каждое выступление на эту тему в печати или по радио неизменно вызывает потоки откликов, писем, предложений и пожеланий со всех концов страны. Это даёт право говорить о глубокой заинтересованности советского народа в судьбах нашего музыкального искусства, как и всей нашей культуры в целом.

В основе этой заинтересованности лежит тот огромного значения факт, что в процессе культурной революции слова великого Ленина “искусство принадлежит народу” превратились из направляющего лозунга в живую реальность. Искусство, в том числе музыка, стало в нашей стране достоянием всего народа, и естественно, что народ оказывает своё существенное влияние на развитие всей нашей музыкальной культуры и стремится активно способствовать искоренению имеющихся здесь недостатков.

О каких же недостатках, прежде всего, идёт речь? На первое место здесь следует поставить то, о чём с такой взволнованностью, так горячо пишет в своей статье Г. Свиридов: распространение в массовом музыкальном быту всякого рода халтурной, серой, пошлой музыки, отравляющей сознание многих людей, калечащей их эстетические вкусы, загрязняющей их духовный мир.

В самом деле, если в музыкальных театрах, в филармонических – симфонических и камерных – концертах и по центральному радиовещанию, как правило, звучит лучшая классическая и современная музыка в исполнении лучших артистов и музыкантов, то в массовом музыкальном быту – дома и в клубе, на всякого рода эстрадных и танцевальных площадках, в санаториях и фойе кинотеатров, на вокзалах и в аэропортах, в поездах и на пароходах и даже в летних пионерских лагерях – дело обстоит значительно хуже. Именно

здесь и находит сбыт всяческая халтура, серятина, откровенная пошлость, борьба с которыми должна быть приравнена к задачам большого социального значения.

Как же могло случиться, что у нас — в стране, где столько внимания уделяется музыкальному воспитанию народа, — образовался такой разрыв между так называемой серьёзной музыкой и музыкой массового музыкального быта, т. е. музыкой, имеющей огромное распространение и играющей особенно большую роль в музыкальном воспитании широчайших кругов народа? Кто повинен в этом и какие меры должны быть приняты для устранения этого нетерпимого в условиях социалистической культуры явления?

Важнейшей причиной, определяющей неудовлетворительное состояние массового музыкального быта, является плохая постановка дела музыкального воспитания детей в общеобразовательной школе. Следует вспомнить, что с первых же лет после Великой Октябрьской социалистической революции музыкальные занятия стали у нас обязательной и неотъемлемой частью всей учебной программы в общеобразовательной школе. И это обеспечило огромный подъём музыкальной культуры широчайших слоёв советского народа. Однако по многим причинам в военные годы занятия по музыке в школе были почти вовсе прекращены, и дело это до сих пор не восстановлено. Можно себе представить, что произошло бы с нашей молодёжью, каков был бы уровень её духовной культуры, если бы из школьных программ были изъяты уроки литературы! А вот с музыкой это случилось: из общеобразовательных школ в течение ряда лет выпускалось огромное количество девушек и юношей, совершенно не знающих музыки, не имеющих никаких практических музыкальных навыков и мало-мальски развитого музыкального вкуса. Так создавалась почва, на которой легко прививались любые, в том числе и дурные эстетические влияния, получившие особенное распространение именно в послевоенные годы.

Лишь в последнее время под влиянием общественного мнения Министерство просвещения РСФСР и других республик начало постепенно восстанавливать работу по эстетическому воспитанию детей в общеобразовательной школе, необходимость и важность которого была провозглашена в первых же ленинских декретах о советской школе. Но в этом направлении предстоит ещё, конечно, огромная работа.

Секретариат Союза композиторов СССР выражает глубокую уверенность в том, что при обсуждении на пленуме ЦК КПСС записки Н. С. Хрущёва “Об укреплении связи школы с жизнью” со всей серьёзностью встанет вопрос и об эстетическом воспитании детей и молодёжи. Ведь эстетическое воспитание не только вырабатывает хороший художественный вкус, но и способствует воспитанию в человеке высоких морально-этических качеств, являясь в этом отношении важнейшим дополнением к трудовому воспитанию.

Недостаточный контроль и отсутствие настоящей воспитательной работы со стороны органов Министерства культуры, ведающих искусством, привели к тому, что халтура и пошлость стали распространяться по самым различным каналам. Здесь, прежде всего, надо сказать о граммофонных пластинках, разносящих по всей стране в миллионах экземпляров эту халтуру и пошлость, распространяя её через множество репродукторов, установленных в общественных местах, через неисчислимое количество проигрывателей в частных квартирах. Та же халтура и пошлость распространяются и усилиями всякого рода дельцов и халтурщиков, подвизающихся, главным образом, на всевозможных эстрадных площадках. Преступно эксплуатируя огромную тягу советского народа к искусству, они подсовывают ему всяческую гниль, отравляя его художественные вкусы и, в конце концов, отучая от настоящего, хорошего искусства.

В последнее время Министерство культуры принимает более широкие меры по борьбе с этими отрицательными явлениями, стремясь всемерно улучшить работу по эстетическому воспитанию народа.

Секретариат Союза композиторов СССР считает, что в статье “Правды” совершенно справедливо указывалось на ответственность, которую несут за состояние нашего музыкального быта Министерства просвещения и культуры, профсоюзные и комсомольские организации. Секретариат также полностью признаёт все обвинения, направленные в адрес Союза композиторов.

Союз композиторов — организация общественно-творческая, и в обоих этих направлениях — общественном и творческом — он сделал значительно

меньше, чем мог и обязан был сделать для оздоровления массового музыкального быта.

До последнего времени в Союзе композиторов совершенно недостаточное внимание уделялось работе в области массовых музыкальных жанров — песни, лёгкой инструментальной, танцевальной музыки, музыки для духовых оркестров и оркестров народных инструментов. Полное невнимание проявлялось в Союзе также к музыке в кино, в драматическом театре, на радио. То хорошее, что создавалось советскими композиторами в этой области, — а отрицать наличие здесь несомненных успехов было бы несправедливо, — не получало должной поддержки, как правило, выпадало из поля зрения критики, и потому ценный накопленный здесь опыт не поощрялся и не распространялся. В то же время произведения серые, халтурные, зачастую откровенно пошлые, писавшиеся не только случайными в музыке людьми, но и членами Союза композиторов, пользующимися даже известностью, также не попадая в круг явлений, обсуждавшихся в Союзе композиторов, не подвергались ни критике, ни осуждению. Так уже в недрах самого Союза композиторов создавалась почва для возникновения и безнаказанного распространения дурной музыки, питающей репертуар нетребовательных, низкопробных исполнителей и засоряющей наш музыкальный быт.

Секретариат отмечает, что многие музыкальные деятели, в том числе композиторы, не раз активно выступали в печати, по радио, на многочисленных конференциях и совещаниях, стремясь общественным путём воздействовать на организации и учреждения, от которых практически зависит устранение недостатков, имеющих место в нашей музыкальной жизни. Однако Секретариат считает, что Союз композиторов как общественная организация, возглавляющая творческую жизнь страны, не принял достаточно действенных мер, чтобы поддержать эту ценную инициативу отдельных музыкантов и добиться реальных сдвигов в этой области.

Секретариат Союза композиторов СССР определил ряд мер, принятие которых должно дать ощутимые результаты. Союз композиторов, не подменяя соответствующих государственных организаций, должен возглавить борьбу за новые успехи в развитии музыкальной культуры советской страны, за подъём эстетического воспитания советского народа, начав эту борьбу с наведения порядка в своей творческой среде, создав в ней атмосферу нетерпимости к любому проявлению халтуры и пошлости, поставив работу в области массовых музыкальных жанров в разряд важнейших, первоочередных творческих задач. Достичь здесь больших, заметных результатов — дело чести Союза как организации, дело чести каждого члена Союза — композитора и критика в отдельности.

12. XI. 58. Д[митрий] К[абалевский]”.

Просьба Союза композиторов осталась без внимания, коллективное письмо не было напечатано. Союзу композиторов так и не удалось выполнить “дело чести” — возглавить борьбу за подъём эстетического воспитания советского народа, навести порядок в своей творческой среде. Время от времени на разных пленумах и собраниях в Союзах композиторов об этом громко говорили, но, как верно констатировал Хренников на Секретариате ССК СССР, говорили, но ничего не делали. Один Д. Кабалевский проявлял активность и пытался внести свою лепту в массовое музыкальное образование детей. Он создал новую программу “Музыка” для общеобразовательной школы.

Свиридов больше не выступал в прессе с критическими статьями по поводу массовой культуры. Тем не менее, он не оставался беспристрастным ко всему, что происходило в этой сфере. В конце 1980-х — начале 1990-х годов он болезненно переживал как саму “перестройку”, так и разрушение старых, испытанных временем механизмов музыкальной культуры, сложившихся в прошлом институтах. И, в частности, не прошёл мимо внедрения так называемой системы Д. Б. Кабалевского. Маститого композитора поддержала какая-то руководящая дама, кажется, из комсомола, и так как эта система не требовала тщательной подготовки педагогов и была дешевле старой программы, то её приняли “на ура” в высших инстанциях.

Между тем, видные музыканты, композиторы прекрасно понимали значение хорового пения в школе. Свиридов, да и не только он, многие музыканты, опытные педагоги понимали, что пассивное слушание музыки никак не

могло заменить активного воспитания музыкального слуха ребёнка через элементарное музицирование, хоровое пение, игры на простейших музыкальных инструментах. То, что хорошо видели в Венгрии Золтан Кодаи и в ГДР Карл Орф, создавшие свои системы музыкального образования. Не говоря уже о последствиях внедрения системы Кабалевского. Тем не менее, систему эту усиленно насаждали, жестоко боролись с её противниками, увольняя несогласных педагогов. В разговорах со Свиридовым на эту тему возникла мысль написать критическую статью в газету. Свиридов имел разговор с отделом культуры ЦК КПСС, там тоже были люди, понимающие, что может принести реформа музыкального урока в школе. Была достигнута договорённость, что я в своей статье не буду упоминать имени Кабалевского, что я и сделал. 7 октября 1985 года в газете “Советская культура” появилась моя статья “Десять минут... на пение”. На статью откликнулись многочисленные читатели газеты, в первую очередь, учителя музыки в общеобразовательных школах, музыканты, хоровики, просто любители музыки. Я знал об этом от сотрудников газеты. Увы, статья эта не возымела никакого действия.

Школа осталась без хорового пения, уроки музыки, которые проводили учителя, не владевшие музыкальным инструментом, потеряли детей. Общеобразовательная школа осталась без элементарного музыкального образования. Музыка как предмет была фактически вытеснена из школьных программ. Учителя музыки в школе не имели никакого авторитета ни у своих коллег, ни у детей, ни у школьного руководства.

Позднее, в 1987 году в одной из тетрадей “Разных записей” Свиридова появится следующее его высказывание: “Воспитание (музыкальное детей). Принята в РСФСР система Кабалевского, весьма спорная, унифицированная (антинациональная), сделанная на немецкий манер, а la Антон Рубинштейн. Несомненно, автор системы был движим хорошими соображениями. Однако целесообразно ли детей всех национальностей воспитывать на “Нотных тетрадах Анны Магдалены Бах”, только на слушании музыки, пассивном её восприятии? Почему принижено значение народной песни? Потому что истребляется всё национальное, всё русское. Народ наш постепенно превращается в сброд, в вооружённых ландскнехтов, воюющих или жандармствующих во многих странах мира. Спрашивается, за чьи интересы?”

Исчезло хоровое пение – единственно доступный всем детям, а не только из семей с достатком, вид коллективного музицирования. *Воспроизводство музыки – толчок к творчеству*³³.

Любопытно, что Свиридов предчувствовал дальнейшие косвенные последствия внедрения программы “Музыка”. Как он писал в тетради 1987 (II), “система Кабалевского воспитывает в человеке *механистичность*. *Механизация*, мёртвое компьютерное искусство проникло в самую душу современного человека. Сложился тип художника-компьютера (беспочвенного, безжизненного). Такой композитор-компьютер может сделать, произвести всё, что угодно: фугу, оперу, балет, песенку, симфонию, церковную молитву и т. д. Но всё это – подделка искусства, имитация его (или, как теперь говорят, “имидж”), суррогат, мёртвое, умозрительное сочинительство, лишённое жизни, её дыхания и трепета, человеческой боли или радости.

Особенно мертва *интонационная сфера* подобной музыки, она лишена какого-либо своеобразия, всегда вторична, стереотипна³⁴.

Прямой связи между системой Кабалевского и внедрением компьютеров в творческий процесс композиторов, конечно, нет, просто эти два явления совпали по времени, но мысль об омертвлении интонационной сферы весьма симптоматична. Это омертвление наблюдается в любых видах и жанрах музыки, но преобладание мелодико-гармонических стереотипов особенно заметно в массовой музыкальной индустрии, в которой процесс создания подобной продукции практически целиком осуществляется при помощи компьютера. И это неизбежное условие современной цивилизации свободного рынка: музыкальный бизнес в лице крупнейших транснациональных компаний заинтересован в как можно большем охвате, а для этого музыкальный товар должен быть универсальным, стереотипным, пригодным для как можно большего числа национальных культур. Ярким, понятным многим примером такой унификации интонационной сферы служит репертуар конкурсов эстрадной песни, в частности, хорошо знакомый в России конкурс Евровидения. Здесь требуется усредненная “общая музыка” (В. Одоевский),

да ещё к тому же на английском языке. И всё это идёт под лозунгом “Музыка — язык универсальный, понятный всем”.

В 1958 году практически все композиторы приветствовали создание Всесоюзного хорового общества. Опять привожу слова Д. Д. Шостаковича из выше цитированной его статьи: “Огромную роль в музыкальном воспитании народа призвано сыграть недавно созданное хоровое общество. Оно должно, в частности, добиться введения во всех классах средних школ обязательных уроков пения. Пение расширит кругозор школьников, нашей молодёжи, заставит её серьёзнее и глубже воспринимать музыку, сделает её повседневной культурной потребностью. И наше советское музыкальное искусство шагнёт ещё дальше, завоюет новые высоты”.

И вот в 1987 году сверху было принято решение хоровое общество преобразовать в общее Музыкальное общество. Фактически это означало упразднение Всесоюзного хорового общества (ВХО).

Свиридов остро переживал его ликвидацию. Когда он узнал, что И. К. Архипова согласилась возглавить вновь созданный на развалинах ВХО Союз музыкальных деятелей, то был возмущён этим поступком близкой ему певицы, к которой относился с большим уважением. В тетради 1989–1990 (I) есть одна такая резкая запись, что я не осмелился её публиковать целиком и привожу только ту часть, что была опубликована в книге “Музыка как судьба”. Эта запись имела у Свиридова название “Музей Георга Отса”. Вот она: “Об этом м-м Архиповой можно не беспокоиться. Эстонцы — народ, не потерявший ни своей веры, ни чувства человеческого и национального достоинства. Они сумеют сами позаботиться о своих талантливых людях, живых и мёртвых. Этот народ хранит память о прошлом, свою историческую память. Это только в РСФСР, где коренной русский народ унижен ниже всякой меры, лишён исторической памяти, всякое упоминание о ней называется фашизмом”³⁵.

У Свиридова были очень хорошие отношения с прибалтами. Свою роль сыграла его жена — эстонка Эльза Густавовна Свиридова, урождённая Клазер. Он хорошо знал эстонских композиторов, у него были прекрасные отношения с Густавом Эрнесаксом, крепкая дружба связывала его с Велью Тормисом. Он неоднократно бывал в Эстонии, его музыка, особенно хоровая, часто здесь звучала. Знал он и ценил хоровое искусство латышей. В том же телефонном справочнике Союза композиторов за 1987 год он отмечает “талантливые хоры” П. Дамбиса. По поводу М. Зариня отозвался так: “талантливый человек, бросил сочинять музыку?!” , об И. Калниньше — “талантливый человек — затерялся в суматохе жизни”. Здесь же тепло отозвался о Р. Паулсе.

Свиридов высоко ценил Певческие праздники, он понимал их сокровенный, высший, отнюдь не чисто эстетический смысл: сохранил своё национальное достоинство. На Певческом поле под Таллином Свиридова исполняли. Там прозвучала Патетическая оратория, дирижировал Неэме Ярви. Свиридов с Юрловым мечтали построить в Москве Певческое поле. Должны были высказать это предложение на совместном пленуме СК РСФСР и ВХО в 1973 году. Увы, Юрлов внезапно умер, не выдержало тяжелейшей нагрузки его сердце. А Свиридова не переизбрали на очередном съезде СК РСФСР. Ничего из этого не получилось.

Хоровая культура прибалтов имеет давние традиции. В отличие от РСФСР, прибалты не дрогнули и не упразднили свои хоровые общества. Они не приняли системы Кабалевского. Недавно мне на глаза попала статья латышского социолога С. Крюка “Народ, который поёт”³⁶. В этой статье речь идёт о том, как проводились знаменитые Певческие праздники в Латвии в советское время, как они финансировались Министерством культуры СССР, из союзного бюджета. Автор, ссылаясь на многочисленные социологические и культурологические исследования, приходит к выводу, что профессиональное администрирование и обеспечение инфраструктуры Певческих праздников гарантировали высокий стандарт пения хором, но в то же время изучение Певческих праздников советского времени не подтвердило явных доказательств социальной активности хором. Вместе с тем, эти праздники показали, что традиционные песни как общественный атрибут и чувство сохранения единства способствовали групповой (читай — национальной) идентификации. А в Российской Федерации не только не устраивали ничего, подобного певческим праздникам, а и сама идея создания Певческого поля не получила никакой поддержки.

В прошлом году я был в Риге. Меня пригласил художественный руководитель и главный дирижёр хора Латвийского радио Сигвардс Клява. Я провёл там неделю, записывали в храме св. Петра диск с “Песнопениями и молитвами” Свиридова. Работа была напряжённая, каждый день в первой половине шла запись, а во вторую половину дня мы с Сигвардсом отслушивали записанное утром, отбирая лучшие куски. Тем не менее, вечерами я приходил в гостиницу и перед сном ловил на свой смартфон радиоканалы и слушал, какая музыка звучит у латышей. Там есть канал 3 Латвийского радио (LR3), на котором звучит классика. Есть и другие каналы. Как и везде, много станций с коммерческой лёгкой музыкой. Как и везде, много западной массовой продукции. Конечно, не обошлось и без российской попсы, есть станция в Риге EHR Русские хиты (транслирующая Топ 20 Русского танцпола). Как говорят в таких случаях мои студенты, это полный “зашквар”. Но я слышал и песни латышских композиторов. Немного старомодные, быть может, несколько сдержанные по темпераменту и не столь мелодически яркие, тем не менее, это была качественная профессиональная музыка. И ничего подобного репертуару и стилю нашего “Русского шансона” или песням В. Высоцкого я там не слышал.

Хоровая музыка прибалтов сегодня переживает расцвет. Здесь есть очень интересные, талантливые композиторы разных поколений, пишущие в разных стилях. Притом, что в сочинениях прибалтов явно слышна освоенная ими техника и приёмы хорового пения, воспринятые из общемирового арсенала средств языка современной музыки, тем не менее, их музыку не спутаешь ни с какой другой, она прочно опирается на корневые национальные традиции. Хоровые сочинения Арво Пярта или Эрика Эхенвальда известны во всём мире.

На хоровые концерты в Риге ходит публика, новая латышская музыка имеет свою чуткую и внимательную аудиторию. Много поют. В школе, в отличие от наших школ, сохранились уроки пения. В одном из перерывов я побывал в Академии музыки им. Я. Витола (бывшей Рижской консерватории), встретился со своими коллегами-музыковедами. И там я узнал одну вещь, которая меня очень сильно задела. Оказывается, что подобно тому, как у нас при Московской и Петербургской консерваториях, при Академии существует специальная музыкальная школа. Как и у нас, в ней учатся скрипачи, пианисты, трубачи и прочие инструменталисты, будущие виртуозы, лауреаты разных конкурсов, солисты филармоний и престижных симфонических оркестров. Но наряду с музыкантами-инструменталистами в этой же школе учат будущих дирижёров хора. Они продолжают своё образование в Академии и потом пойдут работать не только в хоровые коллективы, но и учителями пения в общеобразовательные школы. Так прибалты сохраняют, пестуют и заботятся о будущем своих культур. Вот за это их и ценил Свиридов. И тогда я понял, что культура, где господствует “женщина, которая поёт”, несопоставима с культурой, в которой поёт весь народ.

У Свиридова в одной из тетрадей есть следующая запись под названием “О “глобальном” и национальном”. “Да, русская культура всечеловечна, — писал композитор, — и это одно из очень важных её достоинств: она обращена ко всему человечеству, ко всем людям земли. Но, может быть, самая важная, самая насущная, первостепенная её задача — это питать душу *своего* народа, возвышая эту душу, охраняя её от растрепания, от всего низменного”³⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Как писал рецензент, “с огромной эмоциональной силой прозвучала хоровая пьеса Г. Свиридова “Повстречался сын с отцом” в исполнении Академического русского хора СССР под управлением А. Свешникова” (Балашов В. Творческий рапорт // “Советская культура”. 1958. 29 ноября. № 142. С. 1).

² Свиридов Г. В добрый путь // “Советская музыка”. 1958. № 9. С. 10–15.

³ Свиридов Г. Искоренять пошлость в музыке. Заметки композитора // “Правда”. 1958. 17 сентября. № 260. С. 6.

⁴ Долматовский Е. “Луна, тишина и неразделённая любовь” // “Советская культура”. 1958. 8 февраля. № 17. С. 2. (Под рубрикой “К Всесоюзной творческой конференции работников кино. Песня в фильме”).

- ⁵ Ошанин Л. Борьба с дурным вкусом. Там же.
- ⁶ См.: Конференция работников кино // “Советская культура”. 1958. 8 марта. № 29. С. 3.
- ⁷ Шостакович Д. Ближе к народу! Мысли о творчестве // “Известия”. 1958. 8 января. № 6. С. 3.
- ⁸ Михайлов Н. А. О перспективах развития социалистической культуры на 1959–1965 годы. Доклад на съезде работников профсоюза искусств // “Советская культура”. 1958. 24 мая. № 63. С. 3.
- ⁹ Любители музыки ждут. По следам одного письма // “Советская культура”. – 1958. 23 сентября. № 114. С. 3. Грампластинка – пропагандист лучшей музыки (передовица) // “Советская культура”. 1958. 25 сентября. № 115. С. 1.
- ¹⁰ Суконцев А., Шатуновский И. Звезда на Волге // “Комсомольская правда”. 1958. 17 сентября.
- ¹¹ Игнатьева М., Кривенко Ник. Досадная неудача талантливого коллектива (об Утёсове и концерте “Песня – наш спутник”) // “Советская культура”. 1958. 7 июня. № 68. С. 2.
- ¹² Свиридов Г. В. Музыка как судьба / Сост., авт. предисл. и коммент. А. С. Белоненко. М.: Молодая гвардия, 2002. С. 455–456.
- ¹³ Н. Богословский почувствовал необходимость прибегнуть к низкой, почти блатной интонации в своей песне “Тёмная ночь”. Эта интонация больше говорила сердцам солдат, которым до смерти реально оставалось “четыре шага”, нежели бравурные марши-фокстроты того же И. Дунаевского. Это прекрасно понимал Свиридов, он не упомянул её среди тех одесских песен, которые пел Марк Бернес. Впрочем, и сам И. Дунаевский почувствовал перемену настроений в годы войны и вспомнил музыкальную лексику русского эстрадного романса в своей “Песне о Москве”.
- ¹⁴ Справедливости ради стоит заметить, что лучшие клипы С. Шнурова, хоть и хулиганские, но всё же несут в себе нечто вроде сатиры нравов, подобно графическим сатирам Хогарта.
- ¹⁵ Справочник Союза композиторов СССР / Сост. В. И. Козюра, М. П. Гершанова, Л. Н. Костикова. М.: Советский композитор, 1987.
- ¹⁶ Свиридов Г. В. Музыка как судьба... С. 390. Песня “Два брата” написана на сл. В. Максимова в 1978 году.
- ¹⁷ В одной из тетрадей “Разных записей” есть маленькая заметка об этом прославленном ансамбле. См. Георгий Свиридов. “Разные мысли” (фрагменты). Публикация и предисловие А. Белоненко. “Независимая газета”. 2000. 27 января. № 2. С. 6. Правда, это не помешало ему резко отрицательно отзываться об этом ансамбле, когда зазвучали не только их лучшие песни, но и довольно серая коммерческая продукция.
- ¹⁸ К сожалению, на вкладыше в коробке аудиокассеты с записью этого размышления не указана дата. В моей домашней копии Звукового архива эта запись перенесена на жёсткий диск под номером CD-36.
- ¹⁹ Свиридов Г. В. Музыка как судьба... С. 558.
- ²⁰ Это, между прочим, тот самый режим, который предоставлял ему возможность беспрепятственно посещать Париж, добывать и употреблять наркотики и многое другое, что было недоступно не только простому рабочему, но и представителям художественной элиты.
- ²¹ Д. Д. Шостакович. Мировой авторитет советского искусства // “Советская культура”. 1958. 14 июня. № 71. С. 2.
- ²² Свешников А. Хоровую культуру в массы! // “Советская культура”. 1958. 28 января. № 12. С. 1.
- ²³ Мне удалось познакомиться с “делом” о создании нового гимна СССР в конце 1990-х годов. Оно хранилось в Архиве Президента РФ “О гимне Советского Союза. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) и материалы о государственном гимне Советского Союза”. Архив Президента РФ ЦК КПСС Политбюро. Ф. 3, оп. 52, ед. хр. 46. Дело № 36-Б /4-а/ 1. В Советском Союзе с 1956 года по 1977-й не было текста гимна. После октября 1964 года проблемой гимна занялся Л. И. Брежнев. Был момент, когда гимном было решено сделать песню И. Дунаевского “Широка страна моя родная”. Новую оркестровку попросили сделать Д. Д. Шостаковича. Однако от этой идеи отказались и вернулись к старому, александровскому гимну. Новую редакцию текста создал один из авторов первоначального текста, опытный, испытанный временем гимнод С. В. Михалков.

- ²⁴ В 1964 году незадолго до отправки Хрущёва на пенсию был оглашён результат конкурса на проект нового гимна. Первую премию присудили любимому композитору Хрущёва, автору популярной песни “Рушничок” П. Майборде. Вторая премия досталась Свиридову и Твардовскому за песню “Взвивайся, ленинское знамя”.
- ²⁵ РГАЛИ, ф. 2077, оп. 1, ед. хр. 1466. Протоколы 1958 года. Протокол № 21 Заседания Секретариата Союза композиторов СССР 29 сентября 1958 года.
- ²⁶ С перечнем конкурсов 1958 года можно познакомиться, например, в одном из “дел” фонда Союза композиторов РСФСР в РГАЛИ. См.: РГАЛИ, ф. 2490, оп. 1, ед. хр. 2. Дело 1а. Приказы Министерства культуры СССР и РСФСР, относящиеся к деятельности Союза композиторов РСФСР. Начато 7 февраля 1958 года. Закончено 20 октября. Всего на 120 листах.
- ²⁷ См., напр., “Хорошая музыка живёт с нами всегда...” Обзор писем читателей // “Правда”. 1958. 17 октября. № 290. С. 4.
- ²⁸ Далее привожу цитаты без указания страницы из следующего документа: РГАЛИ, ф. 3043, оп. 1, ед. хр. 129. Письма читателей в редакцию газеты “Правда” по поводу статьи Г. В. Свиридова. На 19 л.
- ²⁹ РГАЛИ, ф. 2077, оп. 1, ед. хр. 1466 (1). Протоколы 1958 года. Протокол № 22 заседания 13 октября 1958 года.
- ³⁰ См. РГАЛИ, ф. 2077, оп. 1, ед. хр. 1466 (2). Стенограмма обсуждения статьи Свиридова, л. 99–139. В дальнейшем мы цитируем этот документ без указания номеров листов.
- ³¹ “Искоренять пошлость в музыке”. (Обсуждение статьи Г. Свиридова) // “Советская музыка”. 1958. Декабрь. № 12. С. 142–144.
- ³² Машинописный экземпляр статьи находится в личном фонде Д. Б. Кабалевского в РГАЛИ. Судя по подписи в конце статьи, Д. Б. Кабалевский был или автором, или редактором этой статьи. См.: РГАЛИ, ф. 2017, оп. 4, ед. хр. 911, лл. 11–15. Письмо в редакцию газ. “Правда” о публикации статьи Г. В. Свиридова “Искоренять пошлость в музыке”. 12 ноября 1958 года.
- ³³ Свиридов Г. В. Музыка как судьба... С. 212 (запись в тетради 1978–1980).
- ³⁴ Там же. С. 458.
- ³⁵ Там же. С. 532.
- ³⁶ Kruk Sergei The Nation that sings: choirs and social action in soviet Latvia // Mūzikas akadēmijas raksti Jāzepa Vītola Latvijas Mūzikas akadēmija, 2018, XV, s. 154–170. Как отмечает автор, традиционные песни, звучавшие на Праздниках, носили функцию общественного атрибута и способствовали чувству сохранения единства (С. 164).
- ³⁷ Свиридов Г. В. Музыка как судьба... С. 382. Запись в тетради за 1982–1983 годы.